

— Сейчас на всесоюзный экран выходит ваша игровая кинолента «Наблюдатель», уже успешная получить несколько призов на фестивале в Карловых Варах. Вы снимали эту картину на острове в Белом море, съемочный коллектив у вас был достаточно интернациональный, если принять во внимание то, что сценарист Марина Шептунова и актриса Светлана Тормахова — москвички, оператор-постановщик Татьяна Логинова была приглашена с «Беларусьфильма»; да и в основе сюжета — сложные взаимоотношения эстонского юноши и русской женщины. В общем, в последнее время ваша жизнь складывалась так, что вы не могли сосредоточиться исключительно на внутренних эстонских проблемах, вы сами немножко были наблюдателем...

— И не только в силу творческих и кинопроизводственных причин, не только потому, что мне пришлось много ездить. В какой-то мере я могу назвать себя наблюдателем еще и потому, что я эстонец и не русский — я финн. Фронт войны с финнами прошел по нашему роду, расколов его на две части. Расколотыми оказались многие семьи, а у моего отца раскололась не только родительская семья, но и его собственная: мама с детьми подалась в Финляндию после того, как была сдвинута граница, а отец еще до войны служил в Красной Армии. К тем, кто бежал со своей земли, приехал советский представитель, обещал вернуть в родные деревни, обещал, что жить там будет замечательно. Люди поверили и приехали. Но все оказалось чистым обманом: из Финляндии их выманили, посулив возвращение в родные села, а отправили в Калининскую область — стране была нужна рабочая сила. Потом моего отца, майора Советской Армии, сняли в 42-м году с фронта и отправили в Сибирь на лесные работы. Он оттуда бежал. Сами посудите, контуженный, после госпиталя — и на лесные работы, а он кадровый военный, хотел на фронт. Его поймали и тогда уже отправили в Нерчинск, на серебряные рудники. Но он уже набрался ума, и снова бежал, но уже не на запад, а на восток, на Амур. Там работал на лесоплаве. В 48-м году они с мамой встретились в Эстонии. И таких финнов, которые оказались тут, довольно много.

Поэтому я и смотрю на сегодняшнюю ситуацию немножко отстраненно. Поэтому и чувствую себя в какой-то мере наблюдателем. Ведь в моем доме в детстве всегда звучала финская речь, я чувствую себя представителем своего народа, но рос я в эстонской среде, идентифицирую себя с эстонской культурой. Я не политик, этот род деятельности мне чужд, как говорится, каждому свое, но, испытав последствия политической ситуации на себе лично, мне кажется, могу сказать что-то полезное русскому человеку.

— Скажите, пожалуйста, а в сегодняшней ситуации состояние русского, русскоязычного человека, живущего

здесь, вам понятно? Эстонцы здесь — на своей родной земле, это обуславливает их единодушные, особенно в условиях небывалого до сих пор подъема национального самосознания. Русские в большинстве своем — пришельцы. В большинстве, но не полностью — естественно, они и чувствуют себя по-разному. Но по-разному чувствуют себя и приезжие, которые обрели здесь дом, родили детей, внуков, впитали в себя этот воздух, пустили корни в эту землю. Или — не впитали воздух, не пустили корни...

— Конечно, здесь об однородности говорить не приходится. Ну, а как ощущает себя тот огромный контингент перекати-поля, такие, как Александра в моем фильме? И вообще, вы знаете, я думаю, что в Эстонии, в основном, представлен, скорее, советский, нежели русский человек. Только пусть меня не поймут неправильно, я не хочу сказать ничего обидного, мне хочется посмотреть на ситуацию объективно. А объективность такова: в огромной своей части это люди, которым безразлично, где жить, лишь бы хорошо жилось. Многие не помнят, где отчий дом. Многие уже и не знают, где отчий дом. Многие, видимо, потомки военных, которым пришлось кочевать по всему Советскому Союзу, и для них Советский Союз — как будто нечто однородное. Мне кажется, этот русско-советский человек чувствует себя здесь на позиции силовой.

— Арво, давайте снова уточним, что вы вкладываете в это слово?

— Только то, что может чувствовать человек, которому столько лет внушалось: ты освободитель. Разумеется, он чувствует себя сильнее того, кого освободил.

— Но ведь опять-таки не все, согласитесь. В каждом из нас, помимо национального, заложено еще и нравственное, культурное начало. Этот пласт может быть толще или тоньше, но он в достаточной степени определяет наши суждения и поступки.

— Но я говорю о тех людях, которые сегодня, в нынешней ситуации, сложившейся в республике, почувствовали себя ущемленными. О тех представителях большого народа, которые чувствуют и вообще могут чувствовать себя ущемленными в условиях подъема национального самосознания малого народа, в данном случае, эстонцев. Знаете, я недавно перечитывал дневники Достоевского. Известно, что в своих политических статьях Достоевский настаивает на всемирной миссии русского человека, который якобы принесет спасение и счастье другим народам. Фантастическая вещь: то, что не успела царская Россия, сумела великолепно сделать Россия сталинская. Разве социалистический лагерь — это не блистательно проведенная акция, которую царская Россия в свое время пыталась осуществить? Ведь силой принесянное счастье никому не надо. У меня много друзей среди русских, и очень часто они недоуменно спрашивают:

«Мне чужды любые крайние позиции»

На актуальные темы
с кинематографистом АРВО ИХО
беседует наш корреспондент
ЭЛЛА АГРАНОВСКАЯ

почему нас нигде не любят — ни в Чехословакии, ни в Польше, ни тем более в Югославии, что за черговщина? Дескать, все мы славянские народы, и даже они к нам плохо относятся. Но корень как раз в том, что никому принудительное счастье не нужно, каждый хочет у себя дома жить по своим законам.

— Но когда героиня фильма «Блондинка за углом», ласково придурившись возлюбленного, твердит: я тебя сделаю счастливым, не хочешь — все равно сделаю, ты у меня, мой миленький, будешь счастливым, а он хрипит и вырывается, мы его прекрасно понимаем. А вот на другом уровне понять трудно. И не только потому, что мы такие тупые или бездушные. И не только потому, что долгие годы лгала наша идеология и историческая наука. Понимание не может ограничиться абстрактной данностью, оно должно появиться на уровне обыденного сознания, только тогда оно будет подлинным.

— И не будет, с другой стороны, никакого толку, пока в человеке живет насажденное через идеологию, через большую политику, подосаженное, быть может, ощущение, что он имеет какие-то особые права. Разве нам не приходилось слышать: мы здесь представители не русского, а советского народа. В сущности, ведь нет такого народа.

— Нас приучили подменять этническое определение политическим, к этому было множество предпосылок. Представляете, сколько времени и сил необходимо потратить, чтобы освободиться от иллюзий, которые возникли не в одночасье?

— Представляю. Мне бы очень хотелось помочь людям увидеть эстонские проблемы с другой точки, под другим углом зрения. По-человечески.

— Именно по-человечески, это нам всем сейчас крайне

необходимо. Нас так долго учили мыслить государственно, коллективно, единогласно. Что из этого вышло, мы знаем. Пора, наконец, освободиться от иллюзий единогласия и единодушия. Мы истосковались по личному, индивидуальному, в том числе и по личному пониманию, в основе которого и лежит понимание человеческое. Сама природа распорядилась таким образом, что русский все равно никогда не сможет почувствовать так, как эстонец, и эстонец не сможет почувствовать так, как русский, а вот с пониманием отнестись к проблемам друг друга мы можем. Если, разумеется, захотим. Если научимся. Ведь многого в этом смысле мы просто не освоили, мы просто не умеем, у нас нет такого опыта, опыта понимания чужих национальных проблем на человеческом уровне.

Назовем вещи своими именами: в сущности, прошедший пленум ЦК КПЭ расставил все по своим местам, курс ясен, позиции определены. И если внимательно прочитать доклад В.Вяляса, впрочем ни у кого не возникает, тех вопросов, которые до сих пор были к партии, и ответов, на которые от нее ждали довольно долго. Хочет этого кто-то или не хочет, но все-таки, видимо, этим курсом придется следовать. Но ведь все сказанное, все обсужденное на пленуме надо еще и понять, а не только принять к сведению. Понять по-человечески, иначе толку не будет.

— Вы знаете, мне лично понравилось, что в докладе явно прослеживался уравновешенный взгляд на все наши проблемы. Вот смотрите, как изменился человек. Я слушал Вайно Вяляса десять с лишним лет назад — он был совершенно другим. Тогда его речь на Певческом празднике меня просто

огорчила, настолько явно все в ней было пропущено через рупор московских партийных позиций того времени. Это было просто больно и неприятно слышать. Но вот сейчас, на пленуме, это был совершенно иной голос. А все почему? Человеку пришлось пожить восемь лет за границей, пришлось нормально работать, я подчеркиваю, действительно работать, пришлось собственными глазами убедиться, до чего силовые позиции могут довести страну. В дипломатической работе силовыми приемами не возьмешь, и там приходилось действительно искать и находить компромиссы между разными силами и насколько изменился от этого взгляд, возник качественно другой уровень понимания. Но, мне кажется, для спокойного понимания совсем необязательно подниматься на такой высокий политический уровень: по себе знаю, уедем на месяц — полтора, в Россию, допустим, потом вернешься сюда — уже другими глазами посмотришь на дело. А тем более, если покрутишься в большом мире. Мне в последнее время приходилось бывать со своими картинами за границей несколько раз — увы, там убеждаешься, насколько наши правила игры, наше положение, к которому ты как будто бы привык, ущербно, насколько наше общество все-таки больное. Мы как будто горбатые — боязливые, без чувства собственного достоинства, зажатые.

— Можете, отсюда и многие наши крайности?

— И отсюда тоже. Замкнувшись в своем узком кругу, мы никогда не научимся свои проблемы разумно анализировать.

— Вы сказали, что как человек некоренной национальности вы немного отстраненно смотрите на все происходящее здесь. Но ведь в общественной жизни вы

участвуете. Какие позиции вам ближе, хоть вы и не политик?

— Мне чужды любые крайние позиции. И в политическом, и в чисто человеческом смысле. Мне по природе чужд экстремизм, мне противно любое насилие. Просто биологически противоположно. Для меня одинаково неприемлемы и экстремисты «Памяти», и наши, эстонские, выразители крайних взглядов — все, кто видит успех в необходимости применить силу. Потому что насилие всегда оборачивается против насильника — в конечном итоге. Что случилось с русским народом. Это же национальная, народная трагедия! За несколько десятилетий была истреблена самая светлая часть народа. Уничтожено девяносто процентов духовности, а сколько истреблено интеллигенции! Многие из тех, кому удалось спастись, покинули страну, другим пришлось камуфлироваться, подчинять себя тем идеям, которые им были чужды, с которыми они не всегда были согласны. Именно такое общественное насилие уничтожало в человеке чувство собственного достоинства, превращало его в какой-то винтик, и от всего этого государство прорастало болезнью, подобной раковой опухоли.

— Последние полгода мне много приходится на страницах газеты беседовать по актуальным проблемам с представителями эстонской творческой интеллигенции, но так получилось, что из кинематографистов, о которых я раньше писала больше всего, вы — первый. Как вы думаете, почему на пленуме творческих союзов, где впервые прорвалась общественная ситуация в Эстонии, кинематографисты были наименее активны? Ведь это очевидно?

— Это очевидно.

— Но ведь из всех творче-

ских работников они наиболее тесно связаны с общественными сферами, если не считать журналистов. В чем же дело?

— Я думаю, что кинематографисты — самая нивелированная часть нашей интеллигенции. Что я имею в виду? Начнем с образования. Все наше, скажем, третье поколение кинематографистов получило образование в Москве. То есть уже здесь лежат истоки чужеродности, ведь остальная часть творческой интеллигенции получает образование или в Тартуском университете, или в Художественном институте, или в консерватории. Мы — во ВГИКе. Прослужил два года в армии, поживешь пять лет в Москве, и на какие-то вещи уже смотришь иначе. И чтобы снова приобщиться к «живому кровообращению», необходим еще какой-то отрезок времени, те же четыре-пять лет. Далее, кинематографисты больше других должны учитывать внехудожественные ситуации. В театре человек делает то, что он хочет, — ему или закроют спектакль, или пропустят. В кино же до самых последних времен не так уж много было людей, которые делали действительно только то, что им хотелось.

— Но вы делали?

— Я старался. Понимаете, писатель пишет то, что хочет написать. Его могут не опубликовать, но это другая история. Кино — производство, при этом замкнутое долгие годы на Москву. И, конечно, какая-то слабика в кинематографисте сидит. Он слишком сильно этой машиной затерт, комиссиями всякими, цензурой, редактурой. На него она давит сильнее, поэтому притупляется чувство гражданина.

Еще несколько лет назад я предложил обучать кинематографистов в разных странах, чтобы они не были стриженными под одну гребенку. Сейчас ВГИК стал очень плохим вузом. Среди преподавателей еще много стариков, которые свои последние фильмы снимали в сороковых — пятидесятых годах. Они мало чему могут научить в профессии на современном уровне, но в человеческом смысле могут многое дать. Но гораздо страшнее — серые середняки-«теоретики», у которых в кино не получилось, и поэтому они пошли преподавать мастерство другим. Они не развивают творческое начало в студентах, а нивелируют его. Я считаю, что всякая культура станет сильнее, если будет обогащена разными школами, и поэтому предлагал посылать учиться наших кинематографистов в Прагу, в Париж, в Гавану. Там есть свои киношколы. Люди оказались бы в разных культурных контекстах и могли бы делать разные фильмы, своеобразные фильмы. И поскольку нас в Эстонии так мало, был бы великодушный эффект от того, что мы разные.

— А как вы смотрите на то, чтобы эстонских кинематографистов обучать в Эстонии?

— Это было бы самое правильное! Я думаю, что лучше всего было бы так: года два

учить их здесь, а потом отправлять за границу — в тот же Стокгольм, в Лондон, в Лодзь, в Рим. Чья кинематография самая сильная в стране? Грузинская. Но там уже пятнадцать лет своя школа. Во ВГИКе они тоже учатся, но истинное своеобразие грузинского кино идет от национального обучения, а при этом они еще стажировались за границей. Должно быть нормальное кровообращение. У эстонских художников это ведь было — они сначала учились здесь, а затем отправлялись в Европу, появлялись разные направления, появлялось многообразие художественной жизни. А сейчас на нас, хотим мы этого или нет, лежит штамп ВГИКа.

— Арво, по вашему мнению, почему демократизация общественной жизни на сегодняшний день в нашей республике идет гораздо активнее, проявляется более реально, ощутимо, чем в других районах нашей страны?

— Мне кажется, здесь не-маловажно то, что мы все-таки находимся в пограничной зоне, у нас намного больше информации. Это очень существенно, ведь всякая диктаторская система старается урезать информацию, убирать ее многокрасочность, подчинить всю информационную струю одной краске, пропустить через фильтр. А если информации побольше, человек уже сам вынужден больше думать. При этом в народе еще живут традиции демократического государства, они еще не стерлись в памяти. И последнее — наша жизнь действительно дошла до такой критической точки, что явственно стал вопрос о существовании эстонского народа как такового — или он будет существовать, или уйдет, как вода в песок. Посмотрите, насколько лучше обстоит дело в Литве — и с экономической и с демографической точки зрения. Видимо, потому, что в 60-е годы там сложилась другая политическая ситуация: литовцы пошли в партию, чтобы самим решать свои дела. А у нас было наоборот: поменьше вступать в партию, чтобы этим чуждым делом не заниматься. И — просчитались. По-видимому, здесь была ошибка, ибо решать наши местные проблемы стали чужеродные люди, которым эта земля была безразлична, которым было безразлично все, кроме желания услужить центральной власти.

Все это накопилось в такой мере, что возникла общественная волна, которая выплеснулась на объединенном пленуме творческих союзов. Ведь интеллигенция всегда острее чувствует общественное напряжение, болевую ситуацию, в чем долгие годы власть ей старательно отказывала. Но если бы она была неправа, то никогда бы не нашла такого сильного отклика в народе. И массовое движение, которое мы сегодня наблюдаем, родилось именно потому, что она выразила, сформулировала, огласила народную боль. Лично мне непонятно, как можно сегодня в этом сомневаться.

